

ГЛАВА 6

МУСУЛЬМАНЕ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ XIX в.

*Айдар НОГМАНОВ,
канд. исторических наук,
зав. отделом истории насе-
ленных пунктов Института
татарской энциклопедии
АН Республики Татарстан*

История государственной власти и управления в России является источником многих исторических и современных политических проблем. Одна из важнейших функций любого государства – создание новых норм общественной жизни, издание законов. Система законодательства непосредственно отражает деятельность государственных институтов по осуществлению этой функции. Поэтому невозможно изучать политическую историю без документов, зафиксировавших совокупность правовых норм, которые действуют в данном государстве и регулируют отдельные сферы социальных отношений.

Историю взаимодействия верховной власти с народами, населявшими присоединенные к России территории, можно проследить по большому пласту законодательных актов, свидетельствующих о поисках путей определения их статуса в многонациональной империи. В силу разной религиозной принадлежности этих народов указанный процесс сопровождался выработкой позиции самодержавия по отношению к конкретным конфессиям. Из четырех основных мировых религий, их отдельных ветвей и направлений, представленных в России, ислам ра-

нее других оказался в сфере влияния государства, исторически ориентированного на православие. Выработанное в результате более чем четырехвековой практики государственного регулирования законодательство о мусульманах представляет интерес не только в познавательном, но и в практическом плане. Многие проблемы в отношениях постсоветской России с «исламским миром» уходят корнями в далекое прошлое. Без знания истории этих отношений, того, какой характер они принимали на разных этапах развития, осуществление взвешенной государственной национальной политики, необходимость выработки которой остро ощущается сегодня, невозможно.

В развитии законодательства о мусульманах особо значимым было XIX столетие. Ислам вступил в него в статусе «терпимой» конфессии. Тенденция к большей или меньшей ассимиляции мусульман в форме обращения в православие и грубого ограничения их в правах, доминировавшая в национальной политике с середины XVI в., при Екатерине II (1762-1796) сменилась веротерпимостью. Либерализация религиозной жизни пришлась на период, когда этническим лицом российского ислама были татары, прежде всего волго-уральские. Перемены в духовной сфере в сочетании с отменой ограничений на ведение торговли и дарованием татарским мурзам прав российского дворянства составили Екатерине II доброе имя среди татарского населения. Более того, ей дали весьма показательное прозвище – «Аби-патша» («бабушка-царица»), закрепившееся за ней в памяти народа. При преемниках императрицы татары продолжали выполнять роль своеобразной лакмусовой бумаги, на которой власть проверяла жизнеспособность своих начинаний в отношении ислама. Им адресовалось большинство законодательных актов, касающихся этого вероисповедания. Поэтому при рассмотрении правовых аспектов функционирования ислама в России в XIX в. – а это главная цель настоящей статьи – представляется логичным уделить основное внимание волго-уральским татарам. На наш взгляд, это даст наиболее объективную картину отношения государства к мусульманской конфессии в указанный период¹.

Никто из наследников Екатерины II не покушался на провозглашенную ей свободу вероисповедания. Однако уже при Екатерине понятие «веротерпимость» не было абстрактным. Принцип «мы вами владеем, вы нам подчиняетесь, платите налоги, за это живите и веруйте, как хотите»² материализовался в указах, определявших конкретные усло-

вия жизни татар и других «иноверцев». В XIX в. – в период интенсивной бюрократизации России и активной законотворческой деятельности это понятие получило достаточно цельное правовое обоснование. Было четко расписано место каждой конфессии в политической системе страны, определены права и обязанности ее представителей³.

1. Ислам в религиозной иерархии России

Основой российского законодательства по вопросам веры являлось признание первенства и господства православия⁴. Государство также признавало принцип свободы вероисповедания для христиан иностранных исповеданий, евреев, магометан и язычников⁵. Однако это не означало равенства распространенных в империи конфессий, среди которых законодательно выделялись более терпимые и менее терпимые. В сложившейся в России религиозной иерархии мусульманам вместе с иудеями и язычниками была отведена третья – низшая ступень после православия и других христианских церквей.

Ислам в Волго-Уральском регионе исторически соперничал именно с официальной государственной религией, что ставило его в заведомо невыгодное положение. Наиболее значимым показателем главенства православной церкви являлась ее монополия на миссионерскую деятельность в пределах Российской империи, лишь она могла «убеждать последователей иных христианских исповеданий и иноверцев к принятию ее учения о вере»⁶. В XIX в. обязанности по привлечению к официальной церкви формально лежали на приходских священниках⁷. Однако при всех российских самодержцах государство содействовало данному процессу. К примеру, при Николае I (1825-1855), рассматривавшем миссионерство как важную государственную функцию, особо отличившихся на этом поприще лиц стали награждать орденами⁸. При нем же в 1842 г. в Казани была организована Духовная академия⁹, выпускники которой вели религиозную пропаганду среди не только татар, но и народов Сибири, Кавказа, Казахстана, Средней Азии.

Принципами осуществления миссионерской деятельности официально были признаны «увещевания», «кротость», «добрые примеры»¹⁰, однако любое покушение на монополию в этой сфере приводило в дей-

ствие карательный механизм государственной машины. Запрет на пропаганду ислама в России был установлен Соборным уложением 1649 г. и просуществовал до 1917 г. До середины XVIII в. за «сворачивание» в магометанство из любого христианского исповедания полагалась смертная казнь¹¹. В XIX в. принципиальная позиция власти в этом вопросе осталась прежней. Изменились лишь меры наказания. Уголовное уложение 1845 г. за «сворачивание» в ислам христиан предусматривало лишение всех прав состояния и ссылку на каторжные работы на срок от 8 до 10 лет, в случае применения насилия срок каторги увеличивался до 12-15 лет¹². Для преследования лиц, совершивших подобные преступления, не существовало срока давности¹³. Наказание за «сворачивание» нехристиан было значительно мягче¹⁴.

Наряду с запрещением официальной пропаганды ислама законодательство включало положения, препятствующие распространению его влияния «на бытовом уровне», что было особенно актуально для Волго-Уральского региона, где в XIX в. остро встала проблема вероотступничества¹⁵. В первой половине столетия акцент ставился на ограничении контактов православных с мусульманами. Властям на местах вменялось в обязанность стараться, чтобы селения христиан и магометан в смешанных по этническому составу волостях составляли отдельные общества¹⁶. В деревнях, где вместе с татарами проживали русские или новокрещенные, запрещалось строительство мечетей¹⁷. В армии крестившихся солдат переводили из частей с преобладанием мусульман в другие подразделения¹⁸. Офицерам-мусульманам полагались денщики только из единоверцев¹⁹. Им было запрещено служить в учебных полках, дабы они не могли влиять на молодых солдат²⁰. Немногочисленным помещикам мусульманского исповедания не дозволялось иметь крепостных-христиан²¹. Во второй половине столетия в связи с усилением интеграции волго-уральских татар в социально-экономическую жизнь российского общества часть перечисленных запретов утратила актуальность. Однако на бытовом уровне продолжали действовать нормы, охранявшие неприкосновенность православной веры²². Закон ограждал от контактов с мусульманами не только людей, но и предметы христианского культа²³.

Воздвигнув правовые барьеры на пути распространения ислама как вероучения, государство вместе с тем законодательно стимулировало переход татар в православие, для чего была задействована обширная

и хорошо разработанная система поощрений. Главной льготой было освобождение крестившихся от платежа всех государственных сборов на три года²⁴. Важно было и то, что новокрещеных и членов их семей освобождали от рекрутской повинности и платежа рекрутских денег по общественной раскладке²⁵. В армии основной формой поощрения являлись денежные выплаты²⁶. Одной из действенных мер привлечения в лоно православной церкви были юридические послабления лицам, совершившим уголовные преступления²⁷. Согласно Уложению о наказаниях 1845 г., в награду за принятие христианства в процессе следствия или суда иноверец мог рассчитывать на смягчение наказания не только в «мере», но и в «степени» и в «роде» (т.е. не только наказание, полагающееся за конкретное преступление, могло быть минимальным, но и само деяние часто относили к разделу менее тяжких преступлений, в отношении которых применялась совершенно иная шкала наказаний)²⁸. Более того, решением Государственного совета от 6 апреля 1849 г. Сенату и другим судебным инстанциям вменялось в обязанность ходатайствовать о смягчении наказания преступникам, пожелавшим креститься²⁹.

С течением времени отдельные формы стимулирования уступали место другим, более соответствующим новым реалиям жизни. К примеру, в 1837 г. прекратилась раздача крестившимся магометанам денежного и одежного жалованья³⁰, активно используемая православными миссионерами в XVIII в. В 1864 г. были отменены денежные выплаты новокрещеным военным служащим³¹. В то же время со вступлением России на путь буржуазного развития возросла значимость таких льгот, как облегчение свободы передвижения и выбора рода деятельности³².

Крещение позволяло избавиться от разного рода ограничений и дискриминации мусульман, о чем речь пойдет ниже. Новокрещеные татары находились под патронажем власти, которая защищала их от притеснений некрещеными соплеменниками³³. В XIX в. окончательно сложилась и была юридически закреплена процедура присоединения к господствующей церкви³⁴. В 1865 г. крестившимся татарам, находящимся на военной службе, разрешили заменять в формулярных и послужных списках отметку о прежнем вероисповедании обозначением сословия, к которому они принадлежали до поступления на службу, и было дано право принять новую фамилию, соответствующую имени их крестного отца³⁵. Церковные причты, совершившие обряд крещения иноверцев, должны были сообщать об этом епархиальному начальству

раз в год в сводной ведомости³⁶. Обобщенные сведения о крестившихся мусульманах в обязательном порядке прилагались к ежегодному отчету епархий в Синод³⁷.

Православный характер Российского государства проявлялся не только в прямом содействии миссионерской деятельности официальной церкви, но и опосредованно, в издании правовых актов, навязывавших мусульманам христианские нормы жизни, возведенные в ранг общегосударственных стандартов. Яркий пример того – указ 1830 г. «О неотступлении от общих правил при погребении магометан», попиравший вековые традиции и обычаи ислама³⁸. Появление подобных непродуманных документов существенно осложняло процесс инкорпорации мусульман в российское правовое пространство, набравший ход с провозглашением политики веротерпимости. Татары и другие мусульмане с предубеждением встречали даже те начинания правительства, затрагивавшие их веру, которые объективно отвечали их интересам³⁹.

Ислам был ущемлен в правах по отношению не только к господствующей церкви, но и к другим христианским конфессиям. Весьма показательны в этом плане так называемые спорные ситуации, когда пересекались интересы представителей разных вероисповеданий. Материалы законодательства свидетельствуют, что при их разрешении государство последовательно придерживалось сложившейся в стране духовной иерархии. Оно практически всегда было на стороне православного в конфликте с католиком или лютеранином и на стороне последних в конфликте с мусульманином или иудеем. Наглядной иллюстрацией этого являются указы, регламентирующие порядок перехода человека из одного вероисповедания в другое.

По российским законам мусульманин мог принять лютеранскую, римско-католическую, армяно-григорианскую и другую христианскую веру, получив на это санкцию верховной власти⁴⁰. Представителям неправославных христианских исповеданий была разрешена миссионерская деятельность среди мусульман Кавказа и пограничных с Россией областей⁴¹. Переход же христиан в ислам, как уже отмечалось, был юридически невозможен и преследовался в уголовном порядке. Поскольку закон запрещал это также иудеям и язычникам, единственным способом легального увеличения мусульманской общины страны оставался естественный прирост населения.

Неравенство «терпимых» конфессий отчетливо проявлялось в сфере семейно-брачных отношений. В первой половине XIX в. получили право на существование брачные союзы мусульман с последователями лютеранской и православной церквей⁴². На их совершение полагалось предварительно испрашивать высочайшее соизволение. В этих браках последователи ислама не имели права голоса. По действовавшим законам обряд бракосочетания совершался христианским священнослужителем. При этом муж-мусульманин должен был дать подписку о воспитании детей в лютеранской или православной вере, а также обязательство не препятствовать жене и детям исповедовать эту веру и не приводить их в ислам. При нарушении какого-либо из обязательств брак подлежал расторжению, а муж приговаривался по суду к лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь⁴³. Такой же порядок действовал в отношении браков, в которых одна из жен мусульманина приняла христианство⁴⁴. Представительство католиков, лютеран, протестантов и других неправославных христиан в православно-мусульмано-языческом населении Волго-Уральского региона всегда было незначительным⁴⁵. Поэтому принятие татаринем одной из вышеназванных вер или вступление в межконфессиональный брак являлось вариантом скорее гипотетическим, чем реальным, такие случаи были единичными⁴⁶. Однако показателен сам факт существования правового механизма разрешения подобных «спорных» ситуаций. Он говорит как о развитости российского законодательства XIX в., так и о его приоритетах, среди которых религиозные занимали весьма значимое место.

2. Правовые ограничения для мусульман

В Российской империи на протяжении столетий при определении положения человека в обществе решающую роль играло вероисповедание. Нерусский человек не мог изменить свою национальную принадлежность, но имел возможность изменить вероисповедание, а, значит, повысить свой государственно-правовой статус. С точки зрения закона, например иудей, принявший крещение и ставший православным, получал все права, которые имел русский человек, принадлежавший к соответствующему сословию. Это касалось также мусульман, католиков и

представителей прочих национальностей⁴⁷. Во многих случаях вслед за актом присоединения к официальной церкви следовала этническая ассимиляция крестившихся, что хорошо видно на примере татарской феодальной аристократии, которая подверглась насильственному крещению на рубеже XVII-XVIII вв. и в течение одного-двух поколений практически полностью обрусела. В XIX в. практика правовых ограничений по конфессиональному признаку сохранилась, более того, была в значительной степени расширена, детализирована и юридически обоснована.

Принадлежность к конфессии «третьего» сорта оборачивалась для волго-уральских татар целым рядом дискриминационных моментов, которые выражались, в частности, в наличии разного рода цензов и других ограничений на занятие выборных должностей в органах управления. К примеру, в сельской местности, в селениях, обществах и волостях, где наряду с христианами проживали мусульмане, последние не могли быть избраны волостными начальниками, старостами и т.д., а лишь их помощниками⁴⁸. В 1859 г. Государственный совет разрешил казанскому городскому обществу избирать мусульман заседателями судебных палат с условием, чтобы их число не превышало количество заседателей из христиан⁴⁹. Однако уже «Городовое положение» 1870 г. ужесточило эту норму, определив, что число нехристиан не может превышать одной трети состава городских управ⁵⁰. В дальнейшем эта пропорция стала обязательной для всех государственных присутствий и была закреплена рядом законодательных актов⁵¹.

Лица иноверных исповеданий могли занимать должности губернских и областных прокуроров, их товарищей (заместителей), а также членов и секретарей губернских, областных, уездных и окружных судебных учреждений. Однако им запрещалось участвовать в решении дел, касающихся преступлений против православной веры и церковных установлений⁵². Занятие нехристиан адвокатской деятельностью допускалось лишь с разрешения министра юстиции по представлению председателей судебных учреждений и советов присяжных поверенных⁵³. В царствование Александра III (1881-1894) Н.И.Ильминский⁵⁴ способствовал введению ограничений для мусульман на занятие должностей в образовательной сфере⁵⁵.

Конфессиональная принадлежность отрицательно сказывалась и на положении и коммерческой деятельности татарского купечества. С

целью поощрения предпринимательства в 1832 г. в России был учрежден институт почетных граждан⁵⁶. Татары могли войти в эту категорию, однако были лишены некоторых преимуществ, предоставляемых православным купцам⁵⁷. В 90-е годы XIX в. мусульмане не могли стать акционерами разного рода обществ, компаний и товариществ⁵⁸. Ударом по экономическим интересам волго-уральских татар на Востоке стал запрет на приобретение ими земли и недвижимого имущества в Средней Азии, введенный «Положением об управлении Туркестанским краем» 1886 г.⁵⁹ Подобные операции в данном регионе разрешались лишь товариществам и компаниям, состоявшим «исключительно из русских подданных христианских исповеданий, нехристиан туземного происхождения или уроженцев сопредельных с Туркестанским краем среднеазиатских государств»⁶⁰.

Серьезные ограничения для мусульман существовали и в образовательной сфере. Татарин, желавший получить хорошее светское образование, сталкивался со множеством препятствий в виде языковых, сословных и административных барьеров, в основе которых лежала принадлежность «не к той» конфессии. Государство готовило национальные кадры высокой квалификации руководствуясь исключительно собственными потребностями. В ограниченный круг учебных заведений, где обучались мусульмане Волго-Уральского региона, входило Неплюевское военное училище в Оренбурге⁶¹. Чиновников для работы с нерусским населением готовили на отделении восточных языков Казанской гимназии, куда с 1836 г. разрешалось принимать иноверцев⁶². Мусульмане – уроженцы Оренбургского края могли продолжить обучение на медицинском факультете Казанского университета⁶³, но для них был закрыт доступ к остальным специальностям⁶⁴. Государство оставляло за собой право использовать эти кадры по своему усмотрению⁶⁵. С учреждением в Казани в 1873 г. ветеринарного института круг высших учебных заведений, где обучались выходцы из нерусских народов, расширился⁶⁶, однако количество студентов из мусульман до 1905 г. оставалось незначительным⁶⁷. Существовали препятствия и для получения ими среднего специального образования⁶⁸.

Объектом острой идеологической борьбы в XIX в. становится начальная школа. В 1840 г. была осуществлена первая попытка создать альтернативную традиционной мусульманской системе образования у татар структуру, преследовавшая сугубо утилитарные цели⁶⁹.

При Александре II (1855-1881) идея инородческих школ получила новое звучание, став инструментом политики языково-культурной унификации, которая начала проводиться в России после польского восстания 1863 г.⁷⁰ В 1870 г. были обнародованы «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев»⁷¹, в соответствии с которыми в местностях со сплошным татаро-мусульманским населением было решено открыть казенные начальные училища, направленные на «обрусение» татар и представителей других нерусских народов⁷². Приток учащихся в эти училища стимулировался льготами, которые предоставлялись их выпускникам⁷³.

Согласно планам правительства русификация должна была охватить не только казенные образовательные заведения, но и традиционную мусульманскую школу. В соответствии с «Правилами» 1870 г. властям на местах вменялось в обязанность «располагать» мусульманские общества к открытию классов русского языка в медресе и мектебе и запрещать открывать новые без таких классов. Учителя русского языка и арифметики при татарских медресе получили в 1872 г. права работников государственной службы⁷⁴, в то время как мусульманский вероучитель в русско-татарских школах должен был содержаться за счет татарского населения⁷⁵. Следующим шагом на пути к культурно-языковой ассимиляции должен был стать закон 1874 г. «О передаче в ведение Министерства народного просвещения башкирских, киргизских⁷⁶ и татарских школ разных наименований»⁷⁷, с помощью которого государство намеревалось взять под свой контроль мектебы и медресе, находившиеся на попечении у мусульманских общин. Однако опасаясь недовольства мусульман правительство не стало вводить его в действие.

Своеобразным индикатором положения мусульман в России являлось отношение к мусульманскому духовенству. Татарские муллы были более ущемлены в правовом плане, нежели священнослужители неправославных христианских конфессий. Так, за физическое насилие над ними или оскорбление закон предусматривал меньшее наказание, чем за аналогичные действия в отношении духовных лиц христианских вероисповеданий⁷⁸. Штатным имамам в воинских частях полагалось меньшее жалованье, чем православным священникам, лютеранским пасторам, католическим капелланам и т.д.⁷⁹ Негативным образом на положении мулл Волго-Уральского региона сказывался их

низкий социальный статус. С первой четверти XVIII в. они юридически относились к категории государственных крестьян и при проведении переписей учитывались в числе податного населения⁸⁰. В этом заключалось их отличие от духовных лиц христианских исповеданий, а также мусульманского духовенства в Крыму, которые составляли особые духовные сословия и обладали некоторыми привилегиями⁸¹. Татарские муллы как принадлежащие к крестьянскому званию подлежали телесным наказаниям за совершение уголовных преступлений⁸². До 1850 г. на них распространялась рекрутская повинность⁸³. Хотя в 1826 г. Сенат разрешил сельским обществам брать на себя государственные повинности своих имамов⁸⁴, молодые муллы постоянно ощущали угрозу оказаться в армии, что заставляло их быть более сговорчивыми во взаимоотношениях с властями. Парадокс их положения заключался также в том, что по российским законам лицам «духовного звания магометанского исповедания» не дозволялось лично принимать участие в сельских и волостных сходах⁸⁵. Таким образом, юридически они были лишены права голоса в сельских общинах, к которым были приписаны.

В конце XIX в. к списку ограничений добавился образовательный ценз, установленный в 1888 г. для лиц, желавших занять мусульманские духовные должности⁸⁶. Волго-уральские татары, которые поставляли мулл для европейской части России, Сибири и Казахстана, негативно встретили этот закон, поэтому его введение было временно приостановлено. В 1890 г. появился дополнительный указ об обязательной сдаче муллой экзамена на знание русского языка для получения указа на право быть имамом-хатыбом в мусульманском приходе⁸⁷. С ним татарское духовенство постепенно смирилось, поскольку знание русского языка становилось жизненной необходимостью, тем более что татары не были в этом одиноки⁸⁸.

Приведенные факты свидетельствуют о правовых ограничениях, с которыми волго-уральские татары сталкивались в повседневной жизни. Поскольку все ограничения были так или иначе связаны с религиозной принадлежностью данной этнической группы, есть основания утверждать, что в XIX в. в Российской империи ислам существовал в четко очерченных законодательных рамках – гораздо более жестких, нежели те, которые были установлены для неправославных христианских вероучений. В свою очередь, наличие в законодательстве норм, ущемляв-

ших права мусульман, при совпадении в основном в реалиях того времени конфессиональных различий с национальными позволяет говорить о национальном характере действовавших в России конфессиональных ограничений.

3. Проявления толерантности в законодательстве

Было бы неверным освещать государственно-исламские отношения в Волго-Уральском регионе лишь с негативной стороны, изображая их как процесс последовательного наступления государства на права мусульман. Они носили весьма неоднозначный, сложный и многоплановый характер. Несмотря на дискриминационную сущность отдельных норм законодательства о волго-уральских татарах, они не затрагивали основу основ – их права свободно исповедовать свою веру и исполнять культовые обряды. Этим правом пользовалось не только гражданское население, но и военнотружущие-мусульмане, в большинстве своем происходившие из татар⁸⁹. Армия как неотъемлемая часть общества была достаточно точным индикатором процессов, происходивших в России в различные исторические периоды. В XVIII в. она являлась идеальной средой для христианизации нерусских солдат, а в XIX в. явила миру наглядные примеры реализации принципа веротерпимости.

Уже в начале столетия государство решилось на введение должностей мулл в штатные расписания отдельных воинских частей⁹⁰. Со второй половины 30-х годов начали издаваться указы, учреждающие должности мулл в гарнизонах целого ряда городов Поволжья и Приуралья, военных госпиталей, а также крупных воинских соединениях в различных регионах империи⁹¹. Как правило, военным муллой избирался кто-либо из нижних чинов, соответствующий по своим качествам этой должности. С 1857 г. кандидатов на должности имамов отправляли за казенный счет в Уфу для проверки знания ими своих религиозных обязанностей в Духовном собрании⁹². Особое место среди мусульманских священнослужителей военного ведомства занимал старший ахун гвардейского корпуса в Санкт-Петербурге⁹³.

Главным предназначением военных мулл была забота о воспитании паствы в духе верности престолу и отечеству. Государство со своей стороны всячески содействовало их деятельности и предпринимало меры к укреплению религиозности среди военнослужащих. В 1849 г. был издан указ, повелевавший экзаменовывать нижние чины иноверных исповеданий в правилах их религий⁹⁴. Муллам, в ведении которых было несколько частей или большая территория, полагались специальные «разъездные» деньги для совершения поездок⁹⁵. Наряду со штатными муллами для исполнения духовных обрядов среди воинских чинов привлекалось местное приходское духовенство, труд которого оплачивался военным ведомством⁹⁶. Особо оплачивалось исполнение духовных треб в госпиталях, где находились на излечении военнослужащие мусульманского вероисповедания⁹⁷. При ряде подразделений имелись специальные помещения для совершения мусульманских обрядов⁹⁸. Если же религиозные обряды совершались непосредственно в домах мусульманских священнослужителей, последние, как правило, освобождались от квартирной повинности⁹⁹.

Из приведенных фактов следует, что при ориентации на православие государство признавало ценность ислама как основы общественного порядка и боялось мусульманского «фанатизма» в меньшей степени, чем безбожия и революционных идей, проникавших в Россию из Европы. Соседство же в законодательстве указов толерантного содержания с положениями, дискриминирующими мусульман, говорит о противоборстве двух тенденций в национальной политике. Стремление к форсированной административной, социальной и культурной интеграции российского общества в значительной степени сдерживалось опасениями правящих кругов, связанными со внутренними и внешними угрозами, которые могли привести к «потрясению основ»¹⁰⁰. К большей гибкости в отношениях с исламским миром побуждали и жизненные реалии. В результате присоединения Кавказа, Средней Азии и Казахстана мусульманское население России в XIX в. существенно увеличилось и превратилось в силу, с которой стало невозможно не считаться. Нельзя было вступать в конфликт с миллионами мусульман ради крещения еще нескольких тысяч татар.

Веротерпимость по отношению к исламу проявлялась в различных формах: в лояльности государства к таким значимым сторонам мусульманского образа жизни, как право на многоженство¹⁰¹, соверше-

ние хаджа¹⁰², принятие присяги по догматам своей веры¹⁰³. Проявлением политики толерантности следует считать процесс узаконения отдельных норм мусульманского права в первой трети XIX в., хотя его последствия для мусульманского сообщества были, на наш взгляд, далеко не однозначны¹⁰⁴. Прямым результатом этой политики явилась тенденция к постепенному смягчению условий возведения мусульманских культовых зданий¹⁰⁵, прослеживаемая в законодательстве. Фактором в большей степени способствовавшим интеграции российского общества, нежели форсированная религиозная ассимиляция, стало санкционирование верховной властью правовых актов, призванных продемонстрировать последователям ислама уважение к их конфессии¹⁰⁶. При этом наряду с законами, рассчитанными на широкий общественный резонанс, издавались постановления сугубо утилитарного характера, которые не являлись декларацией и свидетельствовали о признании государством ислама на уровне повседневной реальности¹⁰⁷.

Одним из значимых и наглядных проявлений политики веротерпимости является факт функционирования на протяжении всего XIX столетия Оренбургского магометанского духовного собрания, созданного в Уфе по указу Екатерины II от 22 сентября 1788 г.¹⁰⁸ Волею судьбы данное учреждение выполняло одновременно два социальных заказа, порой противоречащих друг другу. Правительство использовало Духовное собрание для осуществления контроля над мусульманским духовенством и проведения проправительственной линии среди народов Волго-Уральского и других регионов¹⁰⁹, однако в сознании татар и других последователей ислама оно являлось гарантом свободного отправления их религии.

Появление в XIX в. большого количества правовых актов, регламентирующих права и обязанности мусульманских духовных лиц, как это ни парадоксально на первый взгляд, также можно рассматривать как следствие поворота в сторону ислама, который осуществила Екатерина II. По нашему мнению, данный феномен объясняется не столько увеличивавшейся бюрократизацией системы управления в России (хотя и это имело место), сколько необходимостью наполнить принцип веротерпимости реальным содержанием. Ведь пока ислам находился в положении гонимой религии власть просто не видела нужды в выработке норм, определявших условия существования его священнослужителей. Веротерпимости же в чистом виде, не ограниченной ничем, как пока-

зывает российский правовой опыт, не бывает. У государства всегда найдутся идеологические приоритеты, которым оно отдает предпочтение.

Завершая очерк о российском законодательстве XIX в. в отношении волго-уральских татар, следует отметить, что оно дает богатейший материал для изучения взаимоотношений государства с татарами не только в религиозной, но и в других сферах жизни (о некоторых из них мы упомянули в данной статье). К сожалению, это политико-правовое наследие долгое время не было востребовано и лишь в последние годы понемногу начинает привлекать к себе внимание исследователей. Между тем потенциальные возможности законодательства как источника огромны не только из-за многообразия представленных в нем сюжетов российской истории, но и благодаря широте охватываемых им хронологических рамок. Законодательство относится к тем видам источников, которые переходят из предыдущего периода. Это дает возможность проследить эволюцию правовых норм, а, следовательно, и политики государства по конкретным вопросам на протяжении длительных временных отрезков, что редко осуществимо при работе с другими видами источников.

Примечания

¹ Такие мусульманские регионы, как Кавказ, Казахстан, Средняя Азия, вошли в состав Российской империи после провозглашения свободы вероисповедания. Взаимоотношения проживавших там народов с православным государством имели другую историческую основу. Над ними не довлел опыт многолетней религиозной конфронтации. Приграничное положение указанных территорий являлось фактором, объективно препятствовавшим проведению здесь сколько-нибудь активной религиозной политики. Поэтому в отличие от внутренней России, где преобладала тенденция к правовой унификации нерусских народов, на южных окраинах империи государство практически не вмешивалось во внутреннюю жизнь мусульман в обмен на признание верховенства русского монарха. Исключением в этом отношении был Крым, где сложилась особая модель государственно-исламских отношений.

² Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост. Д.Ю.Арапов. М., 2001. С. 19.

³ Особенно значимым в этом отношении для татар было царствование Николая I. По подсчетам автора настоящей статьи, только в Полном собрании законов Российской империи в период с 1825 по 1855 гг. содержится около 190 документов, касающихся ислама.

⁴ Это положение было закреплено в ст. 62 Свода основных государственных законов. См.: Свод законов Российской империи (далее СЗРИ). СПб., 1910. Т. 1. Ч. 1.

⁵ СЗРИ. 1910. Т. 1. Ч. 1. Ст. 66-67.

⁶ Там же. 1896. Т. 11. Ч. 1. Ст. 4.

⁷ Такие функции были возложены на них в 1800 г., после ликвидации института проповедников, учрежденного Екатериной II в 1764 г. (ПСЗ-1. Т. 26. № 19455).

⁸ В 1829 г. в статус ордена Св. Анны было введено положение, согласно которому обращение в христианскую веру 100 иноверцев являлось достаточным условием для получения этой награды (ПСЗ-2. Т. 4. № 3348).

⁹ ПСЗ-2. Т. 17. № 15803; ПСЗ-3. Т. 4. № 2160.

¹⁰ СЗРИ. 1890. Т. 14. Примечания.

¹¹ См.: «Наказ губернаторам и воеводам» от 12 сентября 1728 г. (ПСЗ-1. Т. 8. № 5333).

¹² ПСЗ-2. Т. 20. № 19283.

¹³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1885. Ст. 162.

¹⁴ За первый подобный случай виновному грозило тюремное заключение сроком от 2 до 4 месяцев, а в случае его повторения – лишение некоторых прав и тюрьма от 8 месяцев до 1 года и 4 месяцев. Применение насилия могло обернуться лишением всех прав и высылкой в Сибирь или отправкой в арестантские роты (Уложение о наказаниях... Ст. 936).

¹⁵ В течение XIX в. здесь поднималось несколько волн «отпадения» в ислам. В Нижегородской губернии в 1802 г. это движение приняло такие масштабы, что Александр I, находившийся в тот период под влиянием либеральных идей и лояльно относившийся к представителям различных конфессий, был вынужден издать особый указ, в котором предписал нижегородскому губернатору «запретить наистрожайше, чтобы абызы не дерзали соблазнять и обращать новокрещеных в магометанство» (ПСЗ-1. Т. 27. № 20535). Массовый характер «отпадения» принимали также в 1827 г., начале 40-х и в 1866 г. Подробнее об этом см.: Werth Paul W. *At the margins of orthodoxy: mission, governans, and confessional politics in Russia's Volga-Kama region, 1827-1905.* Cornell University Press, Ithaca; London. 2001.

¹⁶ ПСЗ-2. Т. 13. № 11189.

¹⁷ Там же. Т. 4. № 2902.

¹⁸ Там же. Т. 14. № 13022.

¹⁹ Там же. Т. 4. № 3054.

²⁰ Там же. Т. 12. № 9285а.

²¹ Там же. Т. 15. № 13592.

²² Например, мастерам-нехристианам запрещалось принуждать подмастерьев и учеников из христиан к работе в дни христианских праздников, а также препятствовать им в исполнении религиозных обязанностей. Данное положение распространялось и на лиц христианского вероисповедания, находившихся в услужении у иноверцев (ПСЗ-3. Т. 16. № 12514).

²³ По указу 1841 г. иконы, полученные в наследство иноверцами, в течение 6 месяцев подлежали передаче в руки православных или церкви (ПСЗ-2. Т. 16. № 14603). В 1882 г. нехристианам запретили публично торговать иконами, крестами и подобными предметами (ПСЗ-3. Т. 2. № 811), а в 1885 г. – их изготавливать (ПСЗ-3. Т. 5. № 2667).

²⁴ Эта норма была впервые установлена Петром I в 1720 г. и затем неоднократно подтверждалась, в последний раз указом от 17 июня 1826 г. (ПСЗ-1. Т. 6. № 3637).

²⁵ ПСЗ-2. Т. 6. № 4677.

²⁶ По указу 1836 г. кантонистам из мусульман и язычников за принятие православной веры выдавалось по 25 рублей ассигнациями (ПСЗ-2. Т. 11. № 8812). С 1851 г. армейским нижним чинам, перешедшим в христианство, полагалось выплачивать по 7 руб. 15 коп. (ПСЗ-2. Т. 26. № 25314).

²⁷ Первые указы подобного рода известны с середины XVI в. (ААЭ. Т. I. № 241/II).

²⁸ ПСЗ-2. Т. 20. № 19283. См. также указ от 4 декабря 1861 г.: ПСЗ-2. Т. 35. № 37709.

²⁹ ПСЗ-2. Т. 24. № 23155. Данная практика просуществовала в законодательстве до судебной реформы 1864 г. и была отменена в ходе ее реализации указом от 24 марта 1866 г. (ПСЗ-2. Т. 41. № 43138).

³⁰ ПСЗ-2. Т. 12. № 10135.

³¹ Там же. Т. 39. № 40703.

³² С 1865 г. крестившиеся иноверцы, пожелавшие быть причисленными к конкретному городскому или сельскому христианскому обществу, получали шестимесячный вид на свободное проживание и отлучки из мест жительства по своим надобностям (ПСЗ-2. Т. 40. № 41689). В 1894 г. этот срок был продлен до одного года (ПСЗ-3. Т. 14. № 10709). Лишь в 1898 г. их было велено приписывать к городским и сельским обществам не на льготных, а на общих основаниях (ПСЗ-3. Т. 18. № 15379).

³³ Защита прав новокрещеных выражалась, в частности, в контроле за тем, чтобы их не исключали из выборов в сельские начальники – головы, десятские и т.д. (ПСЗ-1. Т. 27. № 20535).

³⁴ В соответствии с указом Государственного совета 1861 г. совершение обряда крещения над мусульманами, не достигшими 14 лет, разрешалось при наличии письменного согласия родителей или опекунов. Несовершеннолетние (в возрасте до 21 года) должны были готовиться к обряду в течение 6 месяцев, для лиц, достигших успеха в познании основ христианского учения, было возможно сокращение этого срока. Для совершеннолетних период подготовки составлял 40 дней (ПСЗ-2. Т. 35. № 37709). Обряд присоединения должен был происходить в церкви в присутствии свидетелей и местного начальства (СЗРИ. 1890. Т. 14. Примечания). Акт присоединения совершался по взятии от крестившегося расписки следующего содержания: «Нижеподписавшийся(шаяся) (звание, имя, вероисповедание) сим изъявляю намерение присоединиться к Православной Кафолической Восточной церкви и обещание пребывать в послушании ея всегда неизменно» (ПСЗ-2. Т. 16. № 14409).

³⁵ ПСЗ-2. Т. 40. № 42686.

³⁶ Там же. № 42345.

³⁷ Там же. № 42686.

³⁸ В соответствии с этим указом на российских мусульман распространили действие закона 1704 г., запрещавшего хоронить умерших ранее истечения трех дней. Хотя выходу указа предшествовали консультации с оренбургским и таврическим муфтиями, а также ахунотом г. Казани, в ходе которых выяснилось, что по законам шариата обряд погребения усопшего полагалось совершить в день его кончины, Николай I собственноручно поставил на проекте документа резолюцию: «Не отступать от общих правил...» (ПСЗ-2. Т. 5. № 3659). Издание указа 1830 г. вызвало бурю возмущения среди мусульман.

В 1833 г. 677 духовных лиц Оренбургской губернии подписали прошение на имя императора, в котором просили отказаться от этой нормы. Однако им было отказано (Варадинов Н. История Министерства внутренних дел. СПб., 1862. Ч. III. Кн. I. С. 559-560).

³⁹ Таковую реакцию, в частности, вызвал указ 1835 г., распространивший на мусульман возрастные ограничения для вступления в брак, введенные в 1830 г. для православных (ПСЗ-2. Т. 10. № 7990). Установление минимального брачного возраста – 18 лет для мужчин и 16 лет для женщин – противоречило возрастным рамкам, предусмотренным шариатом. По шариату признаком совершеннолетия считалось достижение мужчиной возраста 15, а женщиной – 9 лет (Торнау Н. Изложение начал мусульманского законовещения. СПб., 1850. С. 125; Керимов Г.М. Шариат. Закон жизни мусульман. М., 1999. С. 116). Естественно, реализация данного закона встретила сопротивление, хотя он был обоснован заботой государства о здоровье женщины и ее потомства (Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII в. – начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1. С. 167-169).

⁴⁰ СЗРИ. 1857. Т. 11. Ч. 1. Ст. 6.; ПСЗ-2. Т. 10. № 8480; ПСЗ-2. Т. 17. № 15195.

⁴¹ ПСЗ-2. Т. 35. № 35941.

⁴² Наиболее раннее упоминание о браках мусульман с лютеранами относится к 1817 г. (Варадинов Н. История Министерства внутренних дел. Ч. I. Кн. 1. СПб., 1859. С. 530-531). Правовая основа подобных браков была впервые сформулирована в указе от 17 июня 1826 г. (ПСЗ-2. Т. 1. № 410) и подтверждена в уставе Евангелическо-лютеранской церкви 1832 г. (ПСЗ-2. Т. 7. № 5870). Устав Духовных консисторий 1841 г. санкционировал заключение браков мусульман с православными (ПСЗ-2. Т. 16. № 14409), но впоследствии эта норма была отменена.

⁴³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1885. Ст. 186.

⁴⁴ Закон допускал сохранение подобных семейных союзов без венчания по правилам Православной церкви, однако муж должен был дать обязательства 1) окрестить детей; 2) не приводить жену в ислам и не мешать отправлению ею веры; 3) развестись с другими женами и жить в единобрачии. В противном случае брак расторгался и жене разрешалось выйти замуж за христианина (ПСЗ-2. Т. 11. № 9610).

⁴⁵ К примеру, по переписи 1897 г. в Казанской губ. насчитывалось 1496597 православных, 23534 старообрядцев и уклонившихся от православной веры, 35 армяно-григориан, 2014 римско-католиков, 1384 лютеран, 1535 иудеев, 633024 магометан, 12474 лиц нехристианских исповеданий (язычников и др.) (Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Т. XIV. Казанская губерния. СПб., 1904. С. 274-275).

⁴⁶ Автор не располагает сведениями о браках волго-уральских мусульман с христианами в XIX в. В начале следующего столетия широкую огласку получил брак представителя известной династии симбирских купцов и предпринимателей Акчуриных Якуба Тимербулатовича Акчурина с «девицей евангелическо-лютеранского вероисповедания» Василисой Семеновной Рождествой. Этот брачный союз был узаконен в 1910 г. в г. Симбирске, после того как супруги прожили нескольких лет в гражданском браке и родили шестерых детей, «принадлежащих к православному вероисповеданию». См.: Таиров Н.И. Акчурины. Казань, 2002. С. 76-77.

⁴⁷ Чистяков О.И. О политико-правовом опыте и традициях России // Вестник Моск. ун-та. Серия 11: Право. 1990. № 2. С. 13-14.

⁴⁸ ПСЗ-2. Т. 13. № 11189.

⁴⁹ Там же. Т. 34. № 34659.

⁵⁰ Там же. Т. 45. № 48498.

⁵¹ Там же. Т. 6. № 2946а. Исключения, в соответствии с указом 1873 г., допускались по особому разрешению министра внутренних дел «в городах, в коих по недостаточному числу христиан сравнительно с нехристианским населением исполнение правила о двух третях гласных из христиан оказалось бы затруднительным» (ПСЗ-2. Т. 48. № 52811).

⁵² ПСЗ-2. Т. 41. № 43352; ПСЗ-3. Т. 9. № 5697.

⁵³ Там же. Т. 9. № 6331; Т. 10. № 6727.

⁵⁴ Николай Иванович Ильминский (1822-1891), востоковед, педагог-миссионер. В 1846-1872 гг. преподавал в Казанской духовной академии. В 1872-1891 гг. – директор Казанской инородческой учительской семинарии. Разработал систему мер по совершенствованию миссионерской деятельности среди нерусских народов Российской империи. Находился в близких отношениях и переписке с обер-прокурором Синода К.П. Победоносцевым, с помощью которого инициировал ряд антимусульманских постановлений в сфере образования. См.: Письма Николая Ивановича Ильминского к обер-прокурору Святейшего Синода Константину Петровичу Победоносцеву. Казань, 1895. С. 218-219.

⁵⁵ По указу 1888 г. председательствовать в уездных и губернских училищных советах, а также избираться в их члены от земств и городов имели право только лица христианского исповедания. В случае если губернский или уездный предводитель дворянства был не христианин, председательство в училищном совете переходило к его заместителю, а если и тот был не христианин, оно возлагалось на старшего из заседающих в совете членов от гражданских ведомств (ПСЗ-3. Т. 8. № 5650).

⁵⁶ ПСЗ-2. Т. 7. № 5284.

⁵⁷ В частности, они не могли, подобно русским купцам, получать награды, ордена и чины, а также были лишены права после 12 лет пребывания в 1-й гильдии просить об определении их детей в гражданскую службу (ПСЗ-2. Т. 18. № 16599).

⁵⁸ Как правило, их уставы содержали пункты, согласно которым акционерами могли быть только люди христианского исповедания. См. указ от 3 февраля 1895 г. (ПСЗ-3. Т. 15. № 11329) и др.

⁵⁹ ПСЗ-3. Т. 6. № 3814. До 60-70-х годов XIX в. русским купцам был практически закрыт доступ на среднеазиатские рынки. Татары же как мусульмане были здесь своими и извлекали из этого положения большие выгоды. С включением Средней Азии в состав Российской империи государство перестало нуждаться в их посреднических услугах и стало поддерживать русский национальный капитал, в том числе на законодательном уровне.

⁶⁰ ПСЗ-3. Т. 13. № 10102; см. также: Т. 17. № 14121, № 14636; Т. 21. № 20354.

⁶¹ Это учебное заведение являлось кузницей военных и дипломатических кадров для южных приграничных регионов Российской империи. Помимо общеобразовательных предметов и воинских наук здесь изучались основы мусульманского вероучения, Коран, арабский, персидский и татарский языки, необходимые выпускникам училища в будущей профессиональной деятельности (ПСЗ-1. Т. 39. № 29770). Преподавание татарского языка в училище осуществлялось до указа 1875 г., согласно которому воспитанников-мусульман следовало обучать французскому и немецкому языкам (ПСЗ-2. Т. 50. № 55008).

⁶² ПСЗ-2. Т.11. № 8742.

⁶³ Это была разновидность целевой подготовки, вызванная потребностью во врачах, способных бороться с эпидемиями чумы, оспы и других опасных болезней, периодически вспыхивавших в оренбургских степях. Первый набор из 20 мальчиков-мусульман был в 1836 г. (ПСЗ-2. Т. 11. № 8771; Т. 18. № 17136). Подобные наборы производились и в дальнейшем. Студентам-мусульманам выплачивалась стипендия в размере 171 руб. 75 коп. В 1863 г. число стипендиатов было уменьшено до 17, а стипендия возросла до 200 руб. (ПСЗ-2. Т. 38. № 40350). После окончания курса обучения в университете выходцы из нерусских народов были обязаны прослужить не менее шести лет врачами в Оренбургской губернии. Указом 1843 г. им было установлено жалование в размере 257 руб. 90 коп. (ПСЗ-2. Т. 18. № 17099). Вопреки существовавшей в России практике даже получив высшее образование они не могли повысить свой социальный статус. Согласно указу 1850 г., лица башкиро-мещеряцкого сословия, закончившие курс в российских учебных заведениях, не должны были исключаться из этого сословия (ПСЗ-2. Т. 25. № 24431).

⁶⁴ По указу Государственного совета от 31 октября 1849 г. мусульманам запрещалось переходить с медицинского на другие факультеты университета (ПСЗ-2. Т. 24. № 23616).

⁶⁵ К примеру, в 1850 г. было рекомендовано привлекать воспитанников университета, обучавшихся за казенный счет, к преподаванию русского языка в мусульманских училищах на Кавказе (ПСЗ-2. Т. 25. № 24359).

⁶⁶ ПСЗ-2. Т. 48. №52325; ПСЗ-3. Т. 16. № 13505.

⁶⁷ По данным С.М.Михайловой, в 1861-1895 гг. в Казанском университете обучалось 28 студентов татаро-башкирского происхождения. Из них 10 человек не закончили курс (Михайлова С.М. Казанский университет в духовной культуре народов Востока России. Казань, 1991. С. 341-342).

⁶⁸ По закону от 9 июня 1888 г. в реальных училищах могли обучаться дети всех состояний без различия званий и вероисповеданий. Однако в училищах, содержащихся за счет сословий и частных лиц, по ходатайству учредителей и с разрешения министра народного просвещения могли вводиться религиозные и сословные ограничения на прием учеников (ПСЗ-3. Т. 8. № 5304).

⁶⁹ Согласно указу Николая I от 28 августа 1844 г., в каждой инородческой волости, находящейся в ведении Министерства государственных имуществ, полагалось открыть школу для 20 мальчиков по типу приходских училищ в русских селениях. Из выпускников этих школ предполагалось набирать кадры для уездного и волостного звена аппарата управления (ПСЗ-2. Т. 19. № 18177).

⁷⁰ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII в. – начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1. С. 36-39.

⁷¹ ПСЗ-2. Т. 45. № 48155. Более полный вариант документа см.: Аграрный вопрос и крестьянское движение в Татарии XIX века. М.; Л., 1936. С. 281-292.

⁷² Обучение в этих училищах предполагалось вести в основном на русском языке. Обеспечение училищ преподавательским составом возлагалось на Казанскую учительскую семинарию и татарские учительские школы, открытые в Уфе, Симферополе, Казани и других городах. Для надзора за вновь созданными учебными заведениями в 1871 г. в Казанском учебном округе была учреждена должность инспектора татарских, киргизских и башкирских школ (ПСЗ-2. Т. 46. № 50078).

⁷³ Наиболее значимыми были льготы по воинской повинности. Согласно «Уставу о всеобщей воинской повинности» 1874 г., для выпускников русско-татарских школ срок действительной службы ограничивался 4 годами, тогда как служба в сухопутных войсках продолжалась 6 лет, а на флоте – 7 лет (ПСЗ-2. Т. 49. № 52983).

⁷⁴ ПСЗ-2. Т. 47. № 50655.

⁷⁵ Там же. Т. 45. № 48155

⁷⁶ В дореволюционной России киргизами (киргиз-кайсаками, киргиз-казаками) называли казахов, в данном указе речь идет о казахских школах (мектебах).

⁷⁷ ПСЗ-2. Т. 49. № 54061.

⁷⁸ ПСЗ-3. Т. 23. № 22704.

⁷⁹ ПСЗ-2. Т. 20. 19241; Т. 35. № 35285, № 35462.

⁸⁰ Там же. Т. 25. № 23817.

⁸¹ Льготы мусульманскому духовенству Крыма были предоставлены указами от 9 декабря 1796 г. и 22 мая 1801 г. (ПСЗ-2. Т. 1. № 564).

⁸² Эта норма была распространена на приходских имамов решением Государственного совета от 25 января 1822 г. (ПСЗ-1. Т. 38. № 28891). Прежде чем привести в исполнение подобный приговор у них полагалось изъять указ губернского правления об утверждении в духовной должности и сообщить о случившемся факте в Оренбургское магометанское духовное собрание. В обязанности последнего входило исключение провинившегося из списков указных мулл и избрание другой кандидатуры на эту должность. Приходских имамов освободили от телесных наказаний в 1850 г. (ПСЗ-2. Т. 25. № 23932). В 1863 г. от них были освобождены дети мусульманских священнослужителей (ПСЗ-2. Т. 38. № 39504).

⁸³ ПСЗ-2. Т. 25. № 23932.

⁸⁴ Там же. Т. 1. № 564.

⁸⁵ Там же. Т. 40. № 42286.

⁸⁶ Согласно документу, заседателями Оренбургского магометанского духовного собрания могли быть лица, выдержавшие испытание в объеме четырех первых классов гимназии, уездного или городского училищ, татарской учительской школы или хотя бы двухклассного начального народного училища Министерства народного просвещения. При определении высшего приходского духовенства в городах (ахунов, хатыпов) от них требовали свидетельства о сдаче экзамена в объеме курса одноклассного начального народного училища. Кандидат на должность сельского муллы должен был представить заключение уездного училищного совета о знании им русской разговорной речи и умении читать (ПСЗ-3. Т. 8. № 5419).

⁸⁷ ПСЗ-3. Т. 10. № 7120.

⁸⁸ К примеру, указ от 15 февраля 1885 г. установил испытание на знание русского языка для кандидатов на должности раввинов в Царстве Польском (ПСЗ-3. Т. 6. № 4098).

⁸⁹ В Полном собрании законов есть немало документов, имеющих отношение к крымским татарам и горцам Кавказа, проходившим службу в Санкт-Петербурге. Их подразделения были немногочисленны (до эскадрона каждое), а касающееся их законодательство появилось лишь благодаря их нахождению в столице и близости к царскому двору.

⁹⁰ В 1808 г. имамы появились в подразделениях, сформированных из крымских татар (ПСЗ-1. Т. 30. № 23362). С 1833 г. стали платить казенное жалованье свя-

щеннослужителям, состоящим при полках Башкиро-мещеряцкого войска (ПСЗ-2. Т. 8. № 5885).

⁹¹ В 1838 г. военный мулла был назначен в Астрахань (ПСЗ-2. Т. 13. № 11540), в 1858 г. – в Самару (ПСЗ-2. Т. 33. № 33848). С 1841 г. мусульманский священнослужитель состоял в штате фельдшерской школы при Оренбургском военном госпитале (ПСЗ-2. Т. 16. № 14792). В 1845 г. вышел указ о введении должностей имамов в военных портах Кронштадт и Севастополь (ПСЗ-2. Т. 20. № 19241), в 1860 г. – при войсках, расквартированных в Финляндии (ПСЗ-2. Т. 35. № 35462), в 1865 г. – при штабе войск в Царстве Польском в Варшаве (ПСЗ-2. Т. 40. № 42147).

⁹² ПСЗ-2. Т. 32. № 32478.

⁹³ Он не подлежал телесному наказанию за совершенные преступления, по увольнении в отставку ему полагалось почетное гражданство. По указу 1843 г. жалование старшего ахуна составляло 1500 руб. в год ассигнациями, что было очень большой суммой для того времени (ПСЗ-2. Т. 18. № 17240). Исполнять духовные обязанности ему помогали имам-помощник и 2 муэдзина (ПСЗ-2. Т. 36. № 37804).

⁹⁴ ПСЗ-2. Т. 24. № 23064. Долгое время в российской армии существовало испытание на знание основ ислама для мусульман, претендующих на получение офицерского звания или первого классного чина. После 1890 г. для этого было достаточно представить соответствующее заключение от мусульманского духовенства (ПСЗ-3. Т. 10. № 7141).

⁹⁵ ПСЗ-2. Т. 25. № 24167.

⁹⁶ В 30-40-е годы XIX в. казенные выплаты в законодательном порядке были установлены для мулл городов Симбирска (ПСЗ-2. Т. 13. № 11642), Казани (ПСЗ-2. Т. 13. № 11661), Уфы (ПСЗ-2. Т. 19. № 17519), Оренбурга (ПСЗ-2. Т. 23. № 2878) и др.

⁹⁷ По указу 1860 г. эти выплаты составляли 28 р. 57 коп. в год (ПСЗ-2. Т. 35. № 36001). В 1870 г. этот порядок был изменен и муллам стали платить в отдельности за каждую произведенную в госпиталях трубу (ПСЗ-2. Т. 45. № 48497).

⁹⁸ Мечеть со специальным служителем имела при лейб-гвардии Крымско-татарском эскадроне (ПСЗ-2. Т. 24. № 23011). В 1844 г. Николай I издал указ о построении мечети при Ижевском оружейном заводе (ПСЗ-2. Т. 19. № 17852).

⁹⁹ ПСЗ-2. Т. 30. № 29483. От нее по указу от 30 января 1850 г. освобождались также мусульманские медресе и мектебы, но не более одного на населенный пункт (ПСЗ-2. Т. 25. № 23892).

¹⁰⁰ Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост. Д.Ю.Арапов. М., 2001. С. 22.

¹⁰¹ В реализации этого права были как позитивные, так и негативные моменты. К примеру, по указу 1843 г. право на потомственное гражданство для мусульман распространялось на всех законных жен и прижитых от них детей (ПСЗ-2. Т. 18. № 16599). В то же время женам военных чинов мусульманского исповедания пенсия назначалась из расчета на одно лицо с последующим распределением ее между ними на основании гражданских законов. См.: Высочайше утвержденное положение Военного Совета от 15 марта 1870 г. (ПСЗ-2. Т. 45. № 8127).

¹⁰² В 1843 г. был определен порядок совершения хаджа мусульманами Оренбургской губернии. Упоминание об этом содержится в указе от 30 декабря 1856 г., установившем подобный порядок в отношении крымских татар (ПСЗ-2. Т. 31. № 31332). Желаящий посетить святыне места должен был заручиться поддержкой сельского обще-

ства и справкой о благонадежности от местного начальства. К этому важному для мусульман вопросу власти возвращались еще не раз, 12 января 1898 г. Николай II ратифицировал конвенцию об установлении профилактических мер для паломничества в Мекку (ПСЗ-3. Т. 18. № 14891). Он же 9 июня 1903 г. утвердил Временные правила для паломников-мусульман (ПСЗ-3. Т. 23. № 23108).

¹⁰³ Власть никогда не покушалась на это право, и со времен Соборного Уложения 1649 г. оно неоднократно подтверждалось, в том числе в XIX в. См.: Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (ПСЗ-2. Т. 39. № 41476). Причина подобной терпимости заключалась в осознании властью того факта, что присяга должна соответствовать религии, которую человек исповедует. В противном случае она ни в чем его не обязывает. Форма присяги неоднократно менялась. Один из последних вариантов присяги по судебным делам был введен Положением Комитета министров от 25 апреля 1850 г. (ПСЗ-2. Т. 25. № 24116). Во второй половине XIX в. правительство стало материально стимулировать присутствие имамов при рассмотрении судебных и других дел. С 1852 г. им стали компенсировать «прогонные деньги» (путевые издержки) за командировки в присутственные места (ПСЗ-2. Т. 27. № 25972). В 1886 г. было решено выплачивать духовным лицам, приглашаемым в суд для привода тяжущихся сторон к присяге, по 1 руб. с каждого дела (ПСЗ-3. Т. 6. № 4098). К присяге приводились не только лица со стороны истца и ответчика, но со введением в России института присяжных заседателей и мусульмане, избранные в их число. В 1894 г. вышел указ, определивший, что заседатели неправославного исповедания приводятся к присяге согласно с догматами и обрядами их веры духовным лицом их вероисповедания, а если в месте заседания суда не окажется духовного лица того исповедания, к которому принадлежит кто-либо из заседателей, то он приводится к присяге председателем суда (ПСЗ-3. Т. 14. № 10710).

¹⁰⁴ В соответствии с указами 1804, 1805, 1826 и 1836 гг. было санкционировано применение норм шариата при решении дел о разделе имущества между наследниками мусульман (ПСЗ-1. Т. 28. № 21634; ПСЗ-2. Т. 1. № 386, Т. 11. № 9158). В 1830 г. в компетенцию мусульманской духовной власти были переданы дела о неповиновении детей родителям (ПСЗ-2. Т. 5. № 3559). С формальной точки зрения эти мероприятия правительства выглядят как признание шариата в качестве действующего в России источника права и реальное проявление принципа веротерпимости. Однако при более глубоком рассмотрении становится ясно, что на самом деле они представляли собой попытку разрушить традиционную замкнутость мусульманских общин, являвшуюся надежным оплотом в противостоянии имперской администрации. До принятия указанных законов все спорные вопросы внутри общин решались приходскими имамами в соответствии с нормами мусульманского права. Объявив брачные и имущественные дела сферой компетенции мусульманских духовных лиц, государство реально оставило им лишь духовную (моральную) сторону дела, изъяв из их ведения материальную. Отныне если стороны имели претензии к вынесенному муллами решению (что было обычным явлением при расторжении браков, дележе наследства и т.д.), такие дела подлежали передаче для рассмотрения в органы судебной власти и решались по общегосударственным законам (ПСЗ-2. Т. 11. № 9158; Т. 21. № 19582). К примеру, согласно указу 1837 г. при решении дел о магометанах, изблеченных в прелюбодеянии, мусульманские духовные власти могли наложить на провинившихся только духовное покаяние. Если этого было недостаточно, дело передавалось гражданской власти, которая была вправе назначить в качестве наказания заключение от 3 до 14 дней (ПСЗ-2. Т. 12. № 10313).

¹⁰⁵ Как проявление толерантности можно рассматривать закон 1862 г., лишивший руководство православных епархий возможности влиять на порядок разрешения постройки иноверческих церквей. Отныне для строительства мусульманских храмов достаточно было решения местных губернских властей, согласованного с Министерством внутренних дел (ПСЗ-2. Т. 37. № 37834). В том же году мусульмане избавились от «образцовой» системы сооружения мечетей, введенной в 1829 г., и получили возможность проектировать их здания по своему усмотрению. Однако индивидуальные проекты подлежали утверждению строительным отделением Губернского правления, а в случае особой важности сооружения – Министерством внутренних дел (ПСЗ-2. Т. 37. № 39044). В 1886 г. была снижена норма на количество населения, необходимое для получения разрешения на строительство мечети. По указу 1756 г. она составляла от 200 до 300 ревизских душ мужского пола (ПСЗ-2. Т. 4. № 2902). С 1886 г. вместо ревизских душ было решено учитывать наличные души мужского пола (ПСЗ-3. Т. 6. № 4102).

¹⁰⁶ В 1844-1846 гг. вышла серия указов о замене изображения креста изображением императорского орла на орденах, жалуемых мусульманам (Св. Георгия, Св. Анны, Св. Владимира, Св. Станислава) (ПСЗ-2. Т. 19. № 18137, № 18188, № 18286; Т. 20. № 18650, № 19227). Двадцать седьмого октября 1846 г. появилось постановление о помещении изображения орла и на всех орденских звездах (ПСЗ-2. Т. 21. № 20551). С 1849 г. мусульмане, содержащиеся в арестантских ротах, по пятницам освобождались от работ для молитвы (ПСЗ-2. Т. 24. № 23062). По указу от 6 января 1886 г. они освобождались от работы, помимо дней рождения, тезоименитства и коронавания членов императорской семьи, и в дни мусульманских праздников при условии, что их общее число не превышает количество праздников, в которые были освобождены от работ арестанты христианских исповеданий (ПСЗ-3. Т. 6. № 3447). Явно демонстрационный характер имел указ от 1852 г., разрешивший бесплатный отпуск леса для перестройки и починки мечетей в селениях государственных крестьян. Отпуск производился по сметам с разрешения Министра внутренних дел на основании представлений Палат государственных имуществ и с согласия местного и духовного начальства. Многоступенчатость процедуры согласования ставит по сомнению возможность реализации и широкого применения данного закона на практике, но сам по себе его выход – факт примечательный (ПСЗ-2. Т. 27. № 26375).

¹⁰⁷ К примеру, в 1879 г. Военный совет разрешил госпиталям помимо холста, отпускаемого для погребения магометан, приобретать еще доски для обкладывания тел погребаемых (ПСЗ-2. Т. 54. № 60084).

¹⁰⁸ ПСЗ-1. Т. 22. № 16710. Об истории данного учреждения, его структуре, функциях и практической деятельности см.: Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII-XIX вв. Уфа, 1999. С. 31.

¹⁰⁹ Должностные лица ОМДС выполняли также и представительские функции. При необходимости (на торжественных приемах и т.д.) они олицетворяли собой мусульманское население России. Так, указ от 11 января 1896 г., определивший порядок коронации Николая II, предусматривал поздравление царственных особ представителями руководства ОМДС (ПСЗ-3. Т. 16. № 12389).